

Папа

Яреци Фернандез

Началась зимняя сессия, и это был очень сложный период для Яреци. Ровно год назад она попала в секту, и это все разрушило тот хрупкий мир, который был в ее жизни. Она начала было забывать об этом, но накануне этого она плохо спала, и всю ночь ей снилась та страшная черная комната, в которой горели свечи. И она слышала этот свист плетей и боялась. На это время она переехала в свою маленькую квартирку, которую продолжала снимать, в которой так же стояли нетронутыми коробки. С Тору в это время она не общалась, да и никто не знал, что происходило в ее душе.

Она сдала сессию, получив нормальные оценки, и вернулась домой. Все эти мысли не покидали ее, и она решила куда-нибудь уехать. Сначала они с Тору и Кимико поехали в монастырь, а потом, когда Тору с дочерью вернулись в Пекин, она осталась в монастыре, но имела неосторожность встретиться с племянником Тору, который был очень злой. Они поссорились, и девушке ничего не оставалось как уехать из монастыря. Только не домой. Первое место, которое пришло на ум - это Токио, и она купила билет на ближайший рейс. Написала сообщение Тору, но оно осталось без ответа.

Эта поездка должна была длиться несколько дней, и все это время она бродила по набережной и не знала, что делать. Ей было страшно приезжать к папе на работу, и ей не с кем было поговорить. И она не знала, о чем говорить с папой. Но ведь она не просто так приехала в Японию. Не со свекровью же общаться. И не с Фуэми. Она им не нужна, да и не была она уверена, что ей хватит сил выслушивать обидные речи Фуэми...

До возвращения в Пекин оставался день, и девушка, покинув отель, направилась в ресторан. Там уже кипела жизнь, и Яреци сказала, что хочет видеть управляющего. А потом села за один столик и вздохнула.

Моррис Фернандез

- Ты должен позвонить ей.

- Я не знаю, о чем с ней разговаривать.

- Ты любишь ее. Поговори с ней, вы же одна семья.

- Но я... ты уверена, что она захочет говорить со мной?

- Она боится. Да, она совершила много плохого, но разве не наша задача наставлять детей на путь истинный? Разве мы не должны их прощать и любить, во что бы то ни стало?

- Но она плохо поступила. И если я её прощу, то это будет означать, что позволяю ей и дальше так поступать.

- Нет. Если ты ее простишь, то она будет знать, что ты любишь ее, со всеми недостатками. Ты же ее любишь? Позвони ей.

Этот разговор произошел через несколько дней после посещения Моррисом выставки. А потом жизнь вернулась в привычное русло, и он позабыл об этом, занимаясь рестораном, здоровьем, которое уже было не очень хорошее, и воспитанием Одагири Юки. С девочкой у него были хорошие отношения, он старался вникать в ее проблемы, выслушивать и позволял ей вспоминать брата и родителей. Жюли работала на рейсах, но чаще проводила обучение. Юка хотела тоже быть стюардессой, но пока она была очень маленькой, но все равно с интересом слушала рассказы своей приемной матери. А Моррис, готовя что-то на маленькой кухне, улыбался и вспоминал, что похожие ситуации были очень давно, когда у него были жена и дочка.

Яреци он так и не позвонил, но был удивлен, когда Мако сказала ему, что в ресторан пришла девушка, представившаяся его дочерью, и сказал, что подойдет к ней. Когда администратор ушла, мужчина задумался. Сегодняшний день не задался с самого начала. Рано утром, собираясь в школу, Юка оступилась на лестнице, упала с нее и повредила себе ногу. Моррис поехал с ней в больницу, там сделали рентген, и это оказался перелом. Предчувствуя, что теперь ему будут звонить из органов опеки, он долго ворчал, а потом, оставив Юку дома и сообщив в школу, поехал на работу. Там был завал, и вот несколько минут назад он освободился.

Моррис встал со своего кресла и вышел из кабинета. Направился в зал, где за одним столиком сидела Яреци. Он вздрогнул и подошел к ней.

- Здравствуй, Яреци, - сказал он.

Яреци Фернандез

Девушка сидела за столом и рассматривала помещение. В прошлый раз она была здесь около года назад, но тогда не рассматривала ничего. Тогда папа представил ей свою новую женщину, теперь у него есть новая дочка, и он, наверное, счастлив. Может, действительно стоит все забыть и отпустить свое прошлое? Может, они действительно не будут больше семьей и встретятся только на похоронах? А может, даже на похоронах они не встретятся. Потому что ей не позволили проводить маму в последний путь.

Она горько усмехнулась и вздохнула. Тяжелые мысли гуляли в ее сознании, и она не знала, как от них избавиться. Она не хотела думать о плохом, но мысли все лезли и лезли, и было тоскливо, что никому до нее нет дела. Хотя почему она считала, что кто-то должен думать о ней? У всех своя жизнь, и в чужой жизни нет места для нее. Она закрыла глаза. По щеке стекла слеза, и она смахнула ее пальцем. А потом послышался голос.

Перед ней стоял папа. Ее любимый папа, который всегда был близок с ней, который ей всегда помогал, любил ее и оберегал от проблем. Папа, который дал согласие на брак с Тору. Папа, который... да просто который всегда прощал ее и делал все для ее счастья. А она... она предала его...

Она вздрогнула и встала со стула. Подошла к нему и, неуверенно постояв несколько секунд перед ним, бросилась в его объятия.

- Я... папа, я скучала. Очень, - тихо проговорила она и не смогла сдержать слез.

Моррис Фернандез

Моррис не ожидал, что дочь бросится в его объятия, но обнимать ее не стал. Потому что не мог для себя определиться, хочет он её видеть или нет. И если бы не слёзы, то он мог с уверенностью сказать, что хотел увидеть её, поговорить с ней. Но слёзы... они ему надоели. Последнее время, судя по слухам, дочь постоянно плачет. Он не знал, как обстоят дела с этим сейчас, но как только случилась вся эта неприятная ситуация, он ревела. Ему надели её слёзы.

- Пойдем ко мне в кабинет, нам надо поговорить, - сухо сказал мужчина, отстраняясь от нее и разворачиваясь на каблуках. Направился в свой кабинет, не дожидаясь, пойдет ли дочь за ним. Единственное, что его сейчас беспокоило - чтобы не было никаких проблем во время разговора с дочерью.

Проходя мимо кабинета Сэтоши, мужчина остановился и, постучавшись, вошел туда. Сэтоши что-то считал, и Моррис попросил его посмотреть за рестораном, пока он будет занят разговором с дочерью. А потом зашел в свой кабинет. Сел в кресло и прикрыл глаза.

Яреци Фернандез

Папа злился. Он не хотел ее видеть и даже не обнял ее. Просто сухо отстранился и ушел, сказав, что надо поговорить. Что он скажет в кабинете? Что лишает ее всего и что у него теперь есть другая семья, которую он любит, ценит и уважает? А она, неудавшаяся дочь, - что будет с ней? Может просто уехать? Забыть обо всем? Ведь папа ни разу не позвонил ей за это время, не интересовался ее жизнью, но периодически созванивался с Тору и разговаривал с ним. Один раз он пришел на выставку, но не дождался ее и ушел. И не позвонил, чтобы узнать, как прошла выставка.

А может быть это она сама виновата в том, что папа не хочет с ней разговаривать? Может, она не имела права влюбляться в Тору?

Папа отправился в свой кабинет, и она пошла за ним. Ей хотелось осмотреть помещения ресторана, но сейчас ей было не до этого. Она остановилась у стены и подняла голову. На папином столе стояла фотография Жюли и новой девочки. Фотографий мамы и их с Тору свадебной фотографии больше не было. Только была маленькая фотография с Тору и Кимико. Яреци сглотнула и вздохнула.

- Они красивые. Ты... больше меня не любишь и хочешь забыть обо мне? - Дрогнувшим голосом сказала она и опустила голову.

Моррис Фернандез

Дочь молча следовала за ним, и он впервые в своей долгой и интересной жизни

пожалел, что не пытался никогда освоить магию. Вот ту самую, которая позволяет копошиться в мыслях. Потому что Яреци превратилась в тень. До тени отца Гамлета ей было очень далеко, но ему и это ее состояние совершенно не нравилось. Потому что ему казалось, что после того выпившего случая с сектой, после которого Тору принял единственное правильное решение (правда, на его месте Моррис бы её еще выпорол ремнем, даже не задумавшись о том, что она уже совершеннолетняя и имеет маленького ребенка) Яреци совершенно перестала улыбаться. Рикардо рассказывал ему, что видел ее на следующий день после вызволения из секты и ссоры с Тору, и тогда, судя по всему, она выглядела примерно так же, как и сейчас.

Он открыл глаза и внимательно посмотрел на нее. Вопрос показался странным, но в нем улавливался еле заметный сарказм. От этого стало как-то не по себе, и Моррис снова пожалел. Но уже о том, что решил поговорить с дочерью, и что вообще послушался Жюли. Ведь если бы он не обещал ей поговорить с Яреци, то со спокойной душой мог сказать Мако, чтобы та передала, что его нет.

Но этот вопрос просто вывел его из душевного равновесия. Через пару секунд он ударил кулаком по столу и резко вскочил с кресла. Подошел к дочери и залепил ей пощечину.

- Ты совсем идиотка или притворяешься? Или ты не понимаешь, что мне больно от твоего поступка? Ты думать когда научишься?! Ты понимаешь, что Тору спокойно мог лишиться тебя прав на Кимико?! Я люблю Юки и Жюли. Но я также люблю и Лауритту. И тебя. Я огорчен, что не смог тебя обучить тому, что нужно любить не только себя, но и тех, кто любит тебя. Ты выросла чёртовой эгоисткой...

Моррис не договорил и, подняв руку для второй пощёчины, остановился и сел в кресло. Тяжело вздохнул и стал смотреть в окно.

- Я не хочу тебя больше видеть. Уходи.

Яреци Фернандез

Папа ударил кулаком по столу, и девушка вздрогнула. А через секунду, показавшуюся вечностью, она ощутила на своей щеке пощёчину. Снова вздрогнула и сглотнула. По щекам полились слезы, а мозг стал генерировать те ужасные картинки из прошлого. Дженинг ругался. Он не кричал, просто в его взгляде и всем существе была ненависть. Он говорил страшные вещи, она этого не помнит. И бил.

В один миг вместо кабинета папы появилась эта темная комната. Снова на стенах горели свечи, бросая свет на темные стены, а в середине комнаты стоял человек с плетью в руке. А по периметру комнаты расположились адепты, которые молчали и смотрели на то, как наказывают выбившуюся из стада овцу. И плеть. Она щелкает в воздухе и рассекает кржу рук и спины. Если начинаешь плакать, то удары становятся сильнее. Удары прекращаются только когда провинившийся адепт перестает подавать признаки жизни. Один раз, как она слышала от Дженинга, кого-то забили до смерти. Может, это неправда. А потом все адепты уходят, оставляя жертву лежать на полу и истекать кровью.

Прошел год. Яреци не вспоминала об этом, об этом напоминали только картины,

которые были представлены на первой выставке. Больше ничего не напоминало об этом ужасе, который она пережила. И вот сейчас папа дал ей пощёчину.

Когда он замахнулся для второй, девушка испуганно пискнула и сжалась в маленький комочек, закрыв голову руками. Она ничего не говорила, ей снова стало страшно.

Моррис Фернандез

С дочерью происходило что-то странное, и Моррис оторвался от окна и повернул к ней голову. Она сильно дрожала, и мужчина покачал головой. А потом задумался. Он знал, что она была в секте, что ее чуть не изнасиловал один тип, и что она сильно напилась. Об этом ему рассказал Рикардо, который некоторое время провел с Яреци. И Моррис разозлился на дочь. И он не пытался выяснить, что с ней там происходило. Ему все было понятно. Она предала любовь Тору и должна быть наказана.

Но ей было страшно. Она стояла, сжавшись в комочек, обхватив голову руками, и ее колотила сильная дрожь. Так было однажды, очень давно, когда теща ругала шестилетних Яреци и Маркуса, он уже и не помнит за что. Кажется, тогда ей прилетело случайно и ни за что. Моррис вздохнул и встал с кресла. Подошел к дочери и крепко обнял ее. Потом усадил на диван и сел рядом с ней.

- Расскажи, что там с тобой случилось. Что там с тобой было? Тебя били? Я выслушаю и помогу тебе. Ведь я люблю тебя, дочка, - доверительным тоном сказал он, обняв ее за плечи.

Яреци Фернандез

Папа не выгнал ее, не прогнал, не сказал, что она больше ему не нужна. И хоть он никогда не говорил так прямо, она все равно думала, что он не хочет её видеть и не собирается с ней разговаривать. За это время он ни разу не позвонил ей, да и не ответил на ее сообщение, когда она поздравила его с днём рождения. Она старалась не навязываться. Потому что считала себя во всём виноватой. Хотя ей было очень тяжело справиться с тревожными воспоминаниями, но не с кем их было обсудить. Тору она не хотела больше тревожить, понимая, что он уйдёт. На этот раз навсегда. Уедет в свою Японию, подаст на развод и лишение родительских прав. И она больше никогда не увидит дочь. Если хоть раз посмеет заикнуться о прошлом. За неё всё говорили картины, которые не видели ни папа, ни Тору. Для остальных людей это были всего лишь необычные картины современного начинающего художника.

Но вдруг папа её обнял и усадил на диван. А потом слышался его голос. Добрый, спокойный и какой-то нежный. Она всхлипнула и осторожно, с опаской, посмотрела на него, вздрогнув и неуверенно кивнув. А потом сглотнула и закрыла глаза.

- Они... били меня. Дженинг стоял в центре комнаты и бил меня плетью. Было очень больно. Было страшно. Мы жили в квартире. Нас было человек десять, и мы не разговаривали. За любое непослушание меня уводили в темную комнату, снимали с меня одежду и били плетью. Я хотела уйти оттуда, клянусь, я осознала свою ошибку и сказала Дженингу, что люблю Тору и Кимико, а он... избил меня. Каждое

последующее избиение казалось сильнее предыдущего. Может быть казалось, но мне было страшно. Я не помню, сколько я там провела времени, но потом... я увидела телефон, но сообщение отправилось не Тору. Дженинг меня избил, а потом повел куда-то. Он хотел меня изнасиловать, но ему помешал Маркус. А потом... пришел Тору. Он мне сказал, что хочет со мной развестись. Чтобы я жила одна. И... после первой выставки он мне позвонил. Он был пьян, и я привела его в свою маленькую квартирку. И мы стали снова жить вместе. Только спать. Быт у нас разный, я боюсь, что... боюсь, что снова все испорчу. Почему, папа? Неужели только одна я во всем виновата? Он... не стал меня слушать, просто тогда ушел. Неужели мы никогда не будем с ним вместе?

Девушка закрыла лицо руками и заплакала. Снова стали рваться эти раны, которые, как оказалось, так и не успокоились. Она не думала, что простая пощёчина спровоцирует эти жуткие воспоминания. Она совершенно не знала, что с этим делать, но была уверена, что папа ей ответит, что это только ее проблемы, и решать он ничего не будет.

Немного успокоившись, она отняла руки от лица и посмотрела на папу.

- Ты сказал, чтобы я уходила. Мне... уйти?

Моррис Фернандез

Дочь начала рассказывать какие-то ужасы, и он внимательно слушал ее рассказ, стараясь не перебивать. Дрожь потихоньку проходила, а голос был очень тусклый. Мужчина покачал головой, когда дочка добралась до тяжелых вопросов. Он не знал ответа на них и, чтобы не молчать, встал с дивана и вышел из кабинета. Попросил одного официанта принести в кабинет два чая, потом вздохнул и проследил за тем, как было выполнено его распоряжение. Вернувшись в кабинет, он закрыл дверь и сел на диван рядом с дочкой. Взял ее ладошку в свои руки и заглянул в ее глаза.

- Ты пыталась поговорить с ним об этом? Он знает все, что с тобой произошло? Я так понимаю, об этом знает только Рикардо? - Он помолчал и вздохнул. - Ты понимаешь, что тебе будет очень тяжело помириться с Тору? Он не простил тебя за это, и я с ним согласен. Ты понимаешь, из-за чего Тору решил с тобой развестись? Не из-за того, что ты там испытала, и даже не из-за того, что тебя чуть не изнасиловали. А просто из-за того, что ты уже два раза предала их. Тогда, в горах, когда ты мне звонила и говорила, что устала от Тору. И сейчас, когда ты ушла в эту организацию. Ты от своей мамы отличаешься только тем, что ты действительно любишь Тору. Постарайся сделать для него что-то, чтобы он убедился, что взял равноправного партнера. Он очень терпелив и достаточно раним. Не надо ему причинять еще больше боли. Следующий раз может быть фатальным для ваших отношений. Не забывай об этом и постарайся быть мудрее.

Моррис замолчал, отпустил ладонь дочери и взял чашку чая. Этот напиток он пил очень редко, но сейчас выбор казался правильным. Не виски же пить при дочери.

Яреци Фернандез

Когда папа взял ее за руку, девушка вздрогнула и сглотнула. К горлу стал подступать комок слез, и вскоре слезы потекли по ее щекам. Она всхлипнула и

закусила губу.

- Я не знаю, папа. Я не знаю, как мне вернуть все то, что я уничтожила. Я знаю, что все уничтожила, и... я люблю его, очень сильно люблю и боюсь, что причиняю ему много боли. Но я... я не хотела, чтобы все так получилось. Больше всего на свете я хочу это забыть, но ведь нельзя это забыть. И простить нельзя.

Она вздохнула и стерла слезы руками. Она не знала, о чем говорить с папой, ей казалось, что еще немного, и они поссорятся. Он теряет терпение, и она это видит. Нужно было послушаться его и поговорить с Тору. Но она боялась. Боялась, что снова что-то не так сделает, скажет, и это разрушит их хрупкий мир. Наверное, сейчас уже надо уходить. Она взяла чашку чая и отпила немного напитка. Вздохнула.

- Спасибо тебе, папа. Я, наверное, скоро пойду. У меня через три часа регистрация.
- И она опустила голову.

Моррис Фернандез

По голосу дочери было видно, что она не хочет никуда уходить. Да и он сам мечтал подольше побыть с ней, он скучал по ней, и хотелось много чего обсудить. Моррис усмехнулся и отставил чашку. Потом обнял дочь за плечи и поцеловал в висок. Стер с ее щек слезы и улыбнулся.

-Может, ты останешься? Мне было скучно без тебя, дочка. Да и они хотят с тобой познакомиться, - он кивнул на фотографию, - особенно малышка Одагири. Я уверен, вы с ней подружитесь, дочка. Да и нам есть о чем поговорить. А билет я тебе потом куплю. Предупреди только Тору, что ты приедешь позже.

На этой счастливой ноте раздался стук в дверь. Моррис тяжело вздохнул и встал с дивана. Бурча что-то под нос себе, он открыл дверь и выслушал нарушившего покой сотрудника ресторана.

-Ну вот, - наигранно расстроено сообщил он дочке, - покой мне только снится. Ну ничего они не могут сами сделать. Так что оставайся, можешь посмотреть, как тут все устроено. Сэтоши проведет тебе экскурсию. А я пойду работать. Располагайся.

И он ушел, оставив дочь одну в кабинете. Он был уверен, что девушка примет его приглашение и останется. Хотя бы на день. Потому что им было много чего обсудить, ему хотелось погулять с дочерью и просто болтать на темы, на которые он не может поговорить с Жюли.

Яреци Фернандез

Предложение остаться с папой и познакомиться с его новой семьей показалось каким-то странным, особенно после его строгого и злого сообщения, что он не желает ее видеть и знать. Это заставило девушку вздрогнуть и закрыть глаза. Она почувствовала нежные и такие родные прикосновения его рук к ее щекам, и снова из глаз полились слезы.

Она неуверенно кивнула. А потом папа встал с дивана и подошел к двери. С кем-то

поговорил и ушел, оставив ее одну. Она встала и тоже вышла из кабинета. Сказала Сэтоши Мотидзуки, который должен был проводить ей экскурсию по ресторану, что хочет немного погулять, а вечером зайдет. А потом ушла.

Сначала она хотела уехать. Но это было побегом от проблем. Она всегда убегала, плакала и манипулировала. Она манипулировала любовью Тору, и с этим необходимо что-то делать. Но она не понимала и не знала, что и как делать, чтобы собрать эти осколки воедино. Но разбитую чашку не склеить. Разбитое зеркало не соберешь. Так же и с любовью - нельзя собрать любовь из осколков. Это только Каю удалось собрать из осколков слово "вечность". Любовь не соберется.

Яреци пошла на набережную. Залив не замерзает, на волнах качались ленивые и жирные чайки, и девушка подошла к самой кромке воды. Как тогда, когда узнала о своем залете. Был ли это "залет" или была ли Кимико долгожданным ребенком? "Мне уже давно пора иметь детей, а с твоей ситуацией мы как-нибудь разберемся", - сказал ей тогда Тору. Ребенок в ее чреве был уже Мотидзуки, и, если она откажется, то никогда не увидит больше свою дочь. Она не могла отказаться от дочери. Ни за что и никогда. И от Тору она не сможет отказаться.

Но было ли это правдой? Слова папы, что она любит Тору? Может быть, все дело в ней, и она просто не научилась любить? Но как научиться? Что делать? Где эта грань между любовью, о которой слагают легенды, и обычной жизнью семьи, в которой любовь занимает мало места, а все остальное отдано быту и отношениям?

Было холодно, и она почувствовала, что замерзла. Вдохнув, она собралась уйти, как вдруг позвонил телефон. Это был папа, который сказал, что освободился, и может уже ехать домой. Она направилась на встречу с ним, и уже через час с небольшой опаской пересекала порог дома, в котором жили Одагири Юка, Жюли и папа. Самый лучший в мире папа...

Яреци Фернандез

Жюли отнеслась к ней благосклонно, а маленькая Юка повела ее сразу знакомить со своей комнатой. Потом они сидели за столом, и Яреци чувствовала, что становится спокойнее. Она помогла девочке, которая только сегодня получила перелом ноги, потом помогла Жюли помыть посуду и убрать со стола. Они вели непринужденные и спокойные беседы на отвлеченные темы, и девушке становилось как-то спокойнее. Вечером она сообщила Тору, что приедет позже, и получила сухой ответ "хорошо".

На следующий день папа и Жюли ругались, и девушка вновь ощутила какую-то неприятную и непонятную боль в солнечном сплетении. А потом они помирились, Жюли назвала папу пошляком, а тот лишь засмеялся и очень крепко ее обнял. Девушка вздохнула и продолжила читать книгу. У папы даже здесь была большая библиотека, и сейчас Яреци читала "Граф Монте-Кристо", и снова создавала в голове образ таинственного графа с холодным взглядом и белой кожей. Он мстил, холодно и расчетливо, и до последнего никто не знал, что это бывший возлюбленный, друг и враг...

Каждый день она сидела в комнате и читала книги. Она не знала, о чем

разговаривать, но сейчас не было пустоты в ее душе. Точнее, она была, но не такая пугающая. И ей было вроде бы спокойно.

Моррис Фернандез

Люди устроены так, что не могут без каких-либо ссор, проблем. Тогда это будут не люди, а роботы, андроиды. Моррис был самым обычным человеком, и его родители были самыми обычными людьми. Как он помнил из своего детства, они иногда ругались, ссорились, но никто никогда не пытался уйти из семьи. Просто поругаются, посидят в разных концах комнаты, а на следующий день обнимутся и снова продолжат радоваться жизни вдвоем. Они всю жизнь прожили вместе, даже умерли с разницей в несколько дней.

Моррис познакомился с Лаурой, и она, по сути, была единственной женщиной, которую он любил. Женившись на ней, он перестал думать о том, чтобы сходить на сторону, потому что он ее ценил и уважал. С Лаурой было очень сложно, она предала его, изменив ему, но он смог простить. Потому что она раскаивалась. Она любила его, но дочь она не могла принять. Именно поэтому она слишком рано вышла на работу. Они ссорились, и ему было очень тяжело, иногда казалось, что брак их полетит к чертям, но она всегда, как только наступало тяжелое время для их брака, находила в себе силы признать ошибки.

Яреци не признавала свои ошибки. Не умела или не хотела признавать. Она была эгоисткой, и в этом была вина его. На умерших вину не скидывают. Сейчас он расплачивается за грехи Лауритты и свои собственные.

Видя, как дочь превратилась из красивой девочки в какое-то подобие человека, он разозлился. Яреци не вылезала из комнаты и постоянно читала книги. Позавтракав, он направился в комнату.

- Я теперь понимаю, почему ни Тору, ни Джун не хотят с тобой общаться. Ты понимаешь, что твои поступки - это подростковый максимализм? Ты уже не подросток, Яреци. И Тору не Демон, который тебе ничего не разрешает! Перестань жить в романах и книгах, выйди в реальный мир и посмотри, какой он! Я не собираюсь видеть твою тусклую и кислую физиономию! Если ты еще не научилась слушать, то возьми себя в руки и послушай хоть кого-то! Если не хочешь, то проваливай! - Закричал он и в гневе выхватил из ее рук книгу, а потом отшвырнул ее на диван и сурово посмотрел на дочь, скрестив руки на груди.

Яреци Фернандез

И снова она делала что-то не так. Она хотела быть неприметной, старалась не разговаривать, считая, что ее мнение окажется неправильным или ее просто никто не услышит. Снова будут доказывать ей, что она неправа, а ее мнение будет сразу неправильным. Потому что она не имела права делать что-то не так. Она вообще не имела права что-то делать.

Образ графа, таинственного и изумительного, как его называли герои романа, создавался очень быстро и казался идеальным и интересным. У него были пронзительные холодные глаза, одутловатое лицо, очерченные скулы, и он был очень высоким. Высоким и красивым.

А потом в сознание проник голос папы. Строгий и очень громкий. Девушка вздрогнула и посмотрела на папу испуганным взглядом. Таким суровым и злым папа еще никогда не был, и она сглотнула. И снова вздрогнула, когда папа отнял у нее книгу.

- Я не понимаю, - холодным тоном произнесла она, сама испугавшись его. Так было уже однажды, несколько дней назад, когда Джун пристал к ней со своими наравоучениями. - Если я тебя нервирую, зачем ты разрешил мне остаться? Я могу сейчас уйти, и ты меня больше не увидишь, я не потревожу тебя. Мне никто никогда ничего не разрешает, мне даже нельзя ничего делать. Я просто молча сидела и читала книгу. Я тебе помешала? Прости, я уйду!

Она вскочила с кресла и направилась к выходу из дома. Ей здесь не рады, но она не нуждается в советах. Она не хочет больше слушать, как ее все обвиняют в том, что она неправа. Немного поколебавшись, она взяла свою куртку и сумку и открыла дверь.

Моррис Фернандез

Ох, как же сложно с этой девочкой. И вроде бы дочь, родная, единственная и любимая, но последнее время с ней стало очень тяжело. Хотелось ее огреть чем-то тяжелым, но он почему-то не стал давать даже пощечину, хотя руки так и тряслись залепить ей конкретную и сильную пощечину.

- Ради бога, напугала, - в тон ей сказал Моррис, глядя на Юку, которая вышла из комнаты, чтобы посмотреть на разборки. К нему подошла Жюли и обняла его. - Проваливай. Я слишком долго был любимым и любящим папочкой. Если ты не понимаешь, что своими поступками делаешь больно, то я ничего не могу поделать. Если ты откажешься от них, то и я тебе ни в чем помогать не буду. И знаешь, - Моррис сделал паузу и обнял Жюли. - Я люблю Тору больше чем тебя. Взрослым тоже бывает больно, а ты, Яреци, тоже уже не ребенок. Подумай об этом.

Хлопнула входная дверь, и он тяжело вздохнул.

- Налей мне, пожалуйста, выпить. И, пожалуйста, не надо ничего говорить. Пока не надо, - попросил он и ушел на кухню.

Яреци Фернандез

Жестокие слова папы эхом отдавались в ее сознании, и она снова чувствовала какую-то непонятную боль в солнечном сплетении.. Ей было страшно, и она понятия не имела, куда ей пойти. Поэтому она направилась на набережную, и села на скамейку. И задумалась. Она не знала, что ей дальше делать, а в сознании все возникали какие-то глупые картинки и портреты. Ей так было хорошо с теми, кого она создала, и... получается, она создала Тору. Такого, каким он ей казался. Демонического, ничего не разрешающего мужа, которому нужно было только то, чтобы она сидела дома. Получается, это все иллюзия? И она никогда не понимала его?

Она была эгоисткой и избалованной. Об этом ей как-то сказал Тору. Об этом ей

сейчас напомнил папа. Может быть, к этому надо прислушаться? Может, сейчас, когда она оказалась на руинах своей жизни, стоит подумать, где и в чем она была неправа? Пока не поздно что-то поменять. А вдруг и правда она потеряет все, и уже нельзя будет все вернуть? Вдруг, если она не позвонит Тору, то он исчезнет? Ведь он любит ее. И он страдает без нее. А она. Любит ли она его? Она закрыла глаза и постаралась очистить свое сознание и успокоиться.

Когда-то давно она была на удивительном мастер-классе, в соседнем монастыре, и там рассказывали про вопросы, на которые отвечают чакры. Анахата отвечала на вопрос "люблю ли я, любят ли меня". Яреци почувствовала неприятный укол в сердце, когда осознала, что "нет", она никого не любит. Она была привязана к Тору, которого сама создала, но который не имел ничего общего с человеком из плоти и крови. Она влюбилась в оболочку и даже не пыталась прознать его характер. Однажды она его чуть не потеряла. Она вздрогнула.

Неподалеку слышались шаги, и она открыла глаза. Побледнела, увидев среднего брата Тору, Шотаро, который шел по набережной и разговаривал по телефону. Она сглотнула и уставилась на эту фигуру человека, который шел мимо и разговаривал по телефону. Она не могла оторвать от него взгляда, а боль в солнечном сплетении, как только она представила, что он тоже начнет что-то говорить, стала невыносимой. Испугавшись, что она может открыть в себе опасную способность и случайно что-то поджечь, она вскочила с лавочки и побежала на остановку. Хотя остановилась около почтового отделения и попросила лист бумаги и ручку.

Яреци Фернандез

Сев за небольшой столик, она стала писать письмо.

Любимый,

я пишу тебе это письмо, и я уверена, что ты его прочитаешь. В век высоких технологий люди перестали писать письма, а ведь только ручкой на бумаге можно вложить в письмо свою душу.

Я задержалась в Японии, и... знаешь, мне кажется, я осознала, в чем были мои ошибки. Я хочу тебе исповедаться, а ты уж сам реши, что со мной делать.

Я хочу поблагодарить тебя за безграничное терпение и любовь, которую ты мне давал. Я не уверена, что достойна этого. Я всегда была эгоисткой и хотела только, чтобы любили только меня и делали все, как , говорю. Но недавно я разговаривала с Джуном, и, мне кажется, я теперь осознала, что была в его лишь глупой девчонкой, которая думает только о себе. Знаешь, я только сегодня случайно видела твоего брата, Шотаро. Он меня не заметил, но это точно был он. И мне стало страшно. Глупое слово, ты, наверное, устал от него. Но сейчас мне стало страшно из-за того, что я могу открыть в себе опасную магию. Уже после ссоры с твоим племянником (по моей глупости) я чувствую что-то непонятное в груди, там, где расположена чакра магии Огня. А вдруг я не смогу сдержаться и спалю все? Я поэтому и уехала в Японию, думала, мне там станет легче. Но...

Ты, наверное, устал от моего письма? Я действительно много поняла и хочу попросить: может, мы начнем все сначала? Мы должны быть для Кимико образцовой

семьей. Я поняла свои ошибки, я буду работать над ними. И я не буду больше бояться и плакать. Я должна стать сильной и мудрой. Спасибо тебе, Тору. Спасибо за все. Я люблю тебя и боюсь представить, насколько тебе тяжело из-за моих вечных скандалов. Я хочу быть твоей опорой и поддержкой, ведь ты для меня тоже был опорой и поддержкой.

P.S. я не могу заранее знать, какой эффект на тебя повлечет данное письмо, но могу попросить, сможешь ли ты как-нибудь позаниматься со мной рукопашным боем? На выставках ко мне пристает один тип, а ты ведь не сможешь постоянно быть со мной, и мне надо учиться постоять за себя.

Я люблю тебя. Спасибо тебе, любимый.

Дописав письмо, девушка положила его в конверт и написала адрес. Ей сказали, что письмо дойдет дня через два-три, а потом она отправилась обратно к папе. Помирилась с ним, и несколько дней прошли безмятежно и радостно. А потом она села в самолет, заранее сообщив Тору время прилета.
